

зов на защиту Дона, то пришли в отряд молодые казачата 17-18 лет и старики, которым почти всем было лет по 60. И вот окружил нас однажды Буденный и стали рубиться на капусту.

Больше четырех часов были мы окружены и рубились; красные все время кричали, чтобы сдавались, обещали что ничего нам не будет, но деды кричали, что „умрем за вольное казачество и седой Дон“ и продолжали биться и, все таки, пробились. Так вот дорогие братья, казаки, не робей, что верхи нас оставляют, не погибнем мы и без них, если сами будем смелы и дружны. Кто верует в Бога и Казачество, тот идет за вольными казаками, а кто верит и идет за москалями, тот верует в сатану. Больше я ничего не имею сказать.

Подпор. Ив. Мамлин (Польша).

Несколько слов о деятельности одного моего собрата.

С того времени, как в жизни казачьей эмиграции возродилось вольно-казачье движение, стало быстро расширяться и в рядах вольных казаков, в качестве постоянных и видных сотрудников, стали фигурировать несколько калмыцких имен, известных среди калмыков, то Н. М. Мельникову понадобилось найти и для себя калмыка, которого он в нужных случаях выпускал бы против калмыков-вольных казаков. Так как, из более или менее известных представителей калмыцкой интеллигенции, никто к нему не приходил, то ему пришлось удовлетвориться Шараповым.

Шарапов был добрым парнем, пока он, под наускивание Мельникова не стал усиленно заниматься „общественно-политической деятельностью“, на каком-то поприще, по собственной его оценке, он будто-бы уже принес „великую пользу своему народу“. О „великой пользе“, конечно, ему можно говорить только не имея представления о том, что значит „великая польза своему народу“, а вот, что с тех пор, как он стал заниматься политикой, шаги смешные и конфузные у него стали чередоваться с шагами некрасивыми, это — факт. Так бывает всегда, когда человек начинает хватать выше, чем ему отпущено, т. е. тогда, когда рак, пользуясь безрыбьем в данном болоте, начинает сходить за рыбу.

Не хочу долго останавливаться на личности Шаропова, ибо мы, калмыки, все друг друга знаем, а обращу внимание наших собратьев на несколько штрихов из „деятельности“ Шаропова, которые наиболее ярко характеризуют степень сознательности его.

Когда два года тому назад вышел в свет интересный исторический труд калмыка д-ра Хара-Давана, посвященный разбору личности нашего великого императора Чингис-Хана и истории Монголии вообще, каковая книга по своей ценности является ныне почти настольной книгой всякого калмыка, интересующегося своей историей, проникла в СССР и там сделалась самой популярной книгой среди калмыков, а в эмигрантской печати вызвала многочисленные отклики, Шарапов стал... протестовать против этой книги и уговорил нескольких, малограмотных или совсем неграмотных, калмыков, его окружающих, дать свои имена под его протестом, каковой и был с удовольствием напечатан в одной из русских газет.

Конечно, это останется забавным, анекдотическим фактом в истории калмыцкой книги и роду Шаропова, если только в нем будут сознательные калмыки, придется долго краснеть от такой „деятельности“ своего представителя. Хорошо, что это пятно высшей степени несознательности не легло на калмыцкую интеллигенцию вообще, ибо организация, вбирающая в свой состав почти всех интеллигентных калмыков в эмиграции, вынесла на страницах своего печатного органа решительное осуждение этому Шараповскому акту.

Мало этого, когда на страницах „В. К.“ стали появляться статьи по калмыцким вопросам, написанные калмыками, (которые иногда критиковали политическое направление Атамана) и бытовые рассказы из калмыцкой жизни, то Шарапов опять забегал с протестом, хотя подписей никаких собрать ему на этот раз не

удалось, несмотря на пожелание Мельникова. В этом случае он мотивировал свой протест тем, что из-за этих калмыков-вольных казаков Атаман и Мельников возненавидят калмыков вообще, — как будто калмыки для того только и существуют, чтобы нравиться этим лицам, или, Атаман и Мельников такие элементарные и несправедливые люди, что из за убеждений тех или иных калмыков стали бы менять свой взгляд и отношение ко всему калмыцкому народу вообще?... А кроме того Шарапову не нравилось, что в некоторых бытовых рассказах упомянуто о том, что калмыки едят конину; по его мнению это такой зазорный факт, который нужно скрывать от света, как будто мы впервые столкнулись в жизни с казаками и русскими и как будто это на самом деле нечто такое, чего можно было бы стыдиться. Это явно показывает, насколько человек от близости к атаману потерял свою национальную душу и насколько он знаком с требованиями литературы и публицистики вообще.

Как известно, в этом году калмыки студенты в Чехословакии, потеряв правительственные стипендии, стали терпеть нужду. Все калмыцкие колонии, несмотря на уменьшенный заработок и кризис, собирали свои скромные взносы, чтобы посылить помочь нашей учащейся молодежи, чем проявили достаточную степень общественной сознательности, а Шарапов не нашел возможным сделать сбор в своей станице. Надо знать, что до того, пока он не стал усиленно заниматься „политической“ работой, он почти каждый год, как можно видеть из отчетов Калмыцкой Комиссии, участвовал в сборах на устройство праздника нашей учащейся молодежи, а теперь, когда дело коснулось самого существенного момента в жизни этих учащихся, он предпочитает поддерживать всякие атаманские балы, „фонды спасений и розысков“.

Станица Шаропова состоит из десятка человек и, как приходилось слышать от некоторых бывших членов этой станицы, Шарапов выбирается атаманом ее лишь только потому, что он не собирает взносов на станичные дела и все расходы покрывает из своего кармана. Признак вполне достаточный для того, чтобы быть атаманом. Само собой разумеется, нет ничего плохого, что есть станица, что Шарапов ее атаман и что он сам несет станичные расходы, это даже хорошо, но плохо, что Шарапов начинает делать вмешательство в область деятельности других.

Недавно он дал на страницах 11-го номера „Р. К.“ информацию о деятельности своей станицы. В том, что станица „принимала участие не только в жизни краевых, но и общероссийских организаций, ничего плохого нет. Ничего не имею даже против, что Шарапов состоит при Мельникове и всю жизнь своей станицы и свою деятельность направляет по указке Мельникова, ибо, как говорится, „сто голов — сто умов“ и каждый состоит и работает в той организации и с теми лицами, деятельность и идея которых по душе. но вот там он, между прочим, написал: ... „несмотря на усиленную агитацию самостийников, пытающихся — да и то лишь на словах — на несчастье России создать счастье, никогда не существовавшей, „Казакция“... Калмыки в общей своей массе относятся совершенно отрицательно к идее сепаратизма вообще“.

Я знаю, что никакие самостийники не думали мешать Шарапову принимать участие в жизни общероссийских организаций, это неправда, а во вторых жалка его наивная попытка лягнуть мимоходом самостийников.

Калмыкам надо знать, что под названием „Казакция“ самостийники разумеют землю, на которой живут казаки и калмыки. Мы, действительно, стремимся создать счастье истинных хозяев на этой земле — калмыков и казаков. И если наше счастье — несчастье для России, то пусть будет так и Шарапов этим указанием никого не испугал. Всегда бывает так, что если раб освобождается, то рабовладелец теряет. Нечто подобное и тут. Нам совершенно не интересно создавать счастье России на собственном несчастье, хотя я совершенно уверен, что свобода и счастье казаков и калмыков ни в коем случае не будут несчастьем для России. Конечно, возможно, что ей полезно было бы вернуть и Польшу и Финляндию и взять часть Турции

и Румынии, но всякому аппетиту есть предел. А потом: „только на словах“, само собою разумеется, что первым делом на словах, ибо всякое дело рождается сперва в мыслях, мысль претворяется в слова, а потом и в дело. Не так ли? Так что — и тут нет ничего удивительного. Правда, что „Казакія“ не существовала, как государство, но мы хотим, чтобы она стала существовать.

Но самое главное это-то, что „калмыки в общей массе относятся отрицательно к идее сепаратизма вообще“. Тут уже наивность Шарапова переходит в недобросовестность. Если говорить правду, то калмыки в общей массе, довольно равнодушно относятся ко всяким политическим вопросам, и сепаратическим и централистическим. Это наш минус, ибо до того состояния общественного самосознания, когда каждый человек стал бы интересоваться политическими вопросами, т. е. вопросами своей национальной судьбы, до этого надо дорости и этого момента надо желать, ждать и пытаться помогать, потому что — интересоваться политическими вопросами, это значит уже быть культурным и развитым народом. А кроме того утверждение Шарапова неверно еще и потому, что если есть такие, которые под влиянием Шараповых и относятся отрицательно к работе самостийников, то гораздо больше приходится встречать таких, которые вполне сознательно относятся к идее национальной свободы в союзе с Казачеством; почти все, кому приходилось, в порядке частных бесед, растолковывать цель вольных казаков, со вздохом надежды говорили, что „это было бы хорошо“.

А кроме этого, Шарапов должен знать, что почти вся калмыцкая интеллигенция, если и не увлекается смелой идеей калмыков-вольных казаков, то, по крайней мере, хранит молчание, а молодая ее часть даже сочувственное молчание. Это должно было надушить Шарапова, что стремление к национальной свободе, хотя и трудно достижимой, не такое уж зазорное дело, чтобы забегать с осуждениями по указке враждебных нашим интересам людей. Шарапову надо знать, что если народу нашему и не суждено увидеть солнца свободы, то, во всяком случае, борцы за возможность увидеть эту свободу должны быть в нашей истории, иначе было бы слишком зазорно для нее. И чтобы решиться на эту борьбу, кроме смелости, надо иметь жертвенность, а для того, чтобы отмахиваться от всего своего и играть на руку сильного, закабалившего нас народа, ничего, кроме предательства и низкопоклонства, не требуется.

Пусть Шарапов на меня не обижается. Мы не трогали его первыми, но если он сам первый затрагивает, то должен быть уверенным, что ему могут и ответить.

Учур Алексеев. (Франция).

Антиполитикам.

На страницах казачьей печати встречается иногда проповедь, когда некоторой казачьей старшиной младшая братия поучается избегать трудноразрешимых задач, не касаться политики (как и мы ею никогда не занимались). А есть и такие, которые в противовес пытливости казачьих умов и тяге к политике и общественной жизни, ставят догматы христианского учения (в царство небесное не попадет, если будет умничать).

Древнегреческая мудрость говорит: „Человек, не интересующийся общественной и политической жизнью — идиот“.

Думаю, что эта мудрость и для нашего времени не устарела, а если это так, то кого же наши проповедники хотят подвести под эту категорию: тех, кого они

поучают, или... себя, — предоставляю это решить читателю.

Дальше: „мы политикой не интересуемся и она нас не занимает“. Не здесь ли и ответ за всю казачью трагедию?.. Есть ли заслуга в том, что их политический багаж в нужную минуту не имел никакого удельного веса, да и вообще был ли измерим... по причине отсутствия. Спрашивается: Нужно ли учиться у таких „учителей“?

Все вышеизложенное воскрешает в моей памяти давно прошедшее, когда мы о переживаемом „счастье“ и не мечтали. Молодым казаком я обращаюсь к молодому же офицеру за советом, можно ли получить разрешение от командира сотни на право иметь и читать несколько указанных мною книг и газет. Офицер, казак, сказал мне так: „Все можете читать!“ — и тут же выразил готовность помочь мне в том случае, если я по своему положению не смогу желаемого достать.

Теперь я думаю, что это было потому, что названный офицер был добрым казаком, потомок славных запорожцев, сотник (ныне здравствующий полковник Б.). В то же время и потому же случая я вынужден был вахмистром сотни (не так паны, как паньнята) обратиться к командиру сотни (ныне покойному) флигель-адъютанту, есаулу А. С. Жукову; а Жуков на вопрос, задал мне вопрос: „А почему же нельзя читать газеты и книги?“

— На основании военных уставов нижним чинам можно читать книги только разрешенные ближайшим начальником, в данном случае командиром сотни.

— О! о! это нас не касается, — смеясь ответил он мне — это нужно солдатам, а мы казаки и пожалуйста не стесняйтесь, можете пользоваться всем, что вам попадается; кроме того я пришлю вам с нестовым много полезных книг, которые я уже прочел.

Не имею права быть уверенным, но могу допустить, что мое обращение натолкнуло командира сотни на мысль — дать возможность казакам читать больше, чем они могли достать своими силами, находясь на военной службе. Столовая сотни преобразилась в приличную читальню-библиотеку, куда были выписаны 4—5 газет, не только петербургские, но и московские журналы, а книги нашли большой круг читателей казаков. Между прочим, книги эти не принадлежали к строго определенному разряду „для младшего возраста“.

И все это только потому, что инициатор этого дела был добрый казак, несмотря на то, что имел „почетный“ придворный титул — флигель-адъютанта и, добравшись до верхушки общества, не перестал быть казаком и прилагал все меры к развитию и познанию общественной жизни своих братьев-казаков.

Это был один из достойных примеров для казачьей старшины. Он не боялся, что казак стнет „просвещенным политиком“, как этого очень многие боятся теперь. Есть боязнь и по другим причинам: „А вдруг казак настолько расширит свой кругозор, что может с начальством вступить в политические пререкания, а по нашему бессилию придется краснеть и пасовать, ведь под шашку не поставишь, „русский народ власти липил“...

Для всего этого есть такое толкование: со стадом баранов легко справляется самый обыкновенный чабан-пастух, а чтобы совладать с людьми просвещенными, нужно и самому руководителю быть просвещенным.

Пусть не будет места у казаков русскому правилу: „просвещение вредно для народа, пусть молятся Богу, не мудрствуя лукаво“. Пусть вся казачья старшина скажет: „Это правило нас не касается“...

Казак старайся разобраться в трудноосуществимых вопросах и помогай младшему брату.

Е. Булавин. (С. Америка).

Каждый вольный казак должен не только сам подписаться на журнал „В. К.“, но убедить и других казаков сделать то же самое.